

Схватив рукой своей воздух, и чуть прислушавшись к себе, своему внутреннему состоянию, напротив кулака явилась вода. На этот раз, она не рвалась вырваться из рук, не собиралась вредить окружению и вообще, вела себя чуть более чем сдержанно.

Покорная супруга или, что вернее, вечно терпимая слуга.

Почему-то эта аналогия приходит в голову. Пускай моя головонька продолжает впитывать сырость цветов и трав с округи, от этого она тише не становится. К ней прибывала кровь, больше чем того задумано. Проще говоря я краснел.

— Вот.

Буквально выдавив из себя это «Вот», я потупил взгляд и увел его вправо. Пристальные очки на черной оправе. Линзы сверкнули в лучах солнца, а пришедшая, в не самом лучшем настроении, хочу заметить, хлопнула в ладоши, отчего тело вздрогнуло, а шар воды продвинутой ступени развалился, потеряв опору в виде моей поставки маны.

— Так, так, так... — медленно, невыносимо медленно и со все нарастающей угрозой повторяла Лили. С её формы могли течь реки, если бы случилось так, что она решила выкрутить одежду, а с острого подбородка стекали капли воды. — сейчас, она вас значит не зовёт?

Времени мало, так что давайте расставим все на полочки. Все флешки и винчестеры. После... скажем так, «рискового» хода с моей стороны, как я втянул неповинного в свое стремление больше попрактиковаться в магии, прошел, возможно, час? Пол часа? Нет, на деле, все казалось мне слишком быстротечным, как та река, в которую сиганула Лили за парнишкой. Уж простите теперь будет много отсылок на реку. Так вот, прошло не больше пятнадцати минут. Мне совершенно не ясно как Лили сумела меня найти, учитывая, что я шел в совершенно неизвестном себе направлении.

Служанка пришла, пусть смешнее будет сказать, приплыла, очень не кстати. В то время я продолжил разрабатывать заклинание, все швыряя его в деревья и воздух. Столь много я наколдовал, что по траве уже стелиться туман начал. Уверен, вид мальчика с кровоподтёком на рубахе и лице, на поляне цветов, среди тумана, смотрелось странно, если не страшно. А я ещё и колдовал в тот момент. Не знаю, какие бесы вселились в эту женщину, но стоило ей протереть мне нос, мокрым платком, как она потребовала объяснений. И обычными тут не обойтись. Пришлось хитрить, изворачиваться подобно ужу на сковороде.

«Меня звала вода, она была неудержима, так и желала вырваться из рук! Я не вру, все так и было!»

Моя самая длинная реплика за три с половиной года ушла на эту белиберду, честно, меня змея душила ещё что-то говорить, но также меня душила Лили своим взглядом. Как она это делает?! Что за аура?! Почему сзади неё виднеется силуэт меча!

— Нет, не зовёт...

Потухший ответ призвал меня молчать. Сжав кулаки, я терпко стоял и ждал удара. А чего ещё ждать, когда так провинился? Розгой или там рукой пройдет, по самой простой точке боли. Такая точка, где нет ничего жизненно важного, вроде органов. Пятая точка.

Впрочем...

— Пойдемте домой, — взяв мою руку, она крепко сжала её и не надеясь отпустить повела за

собой. Смотри на собственные ноги, хотелось вдавить шею внутрь, притвориться черепахой, оказаться в домике.

— Наказывать не будешь? — с долей ожидания оповестил я Лили.

— Наказывать вас, я не имею права, этим займётся ваша мать, а может и отец, — стоило словам достигнуть моих ушей, как от сердца отлегло, а я заметил, как вокруг промокшей Лили слетались бабочки. Родители этого тела никогда всерьёз ещё не злились на меня.

Чего говорить, если Рудэус и я, скромные, тихие дети, занятые своим и не мешающие другим. Под ногами не ползаем, вопросов не задаём, не мешаем, когда этого требует обстоятельства, мы пример для подражания не только младенцам, но и людям постарше. Будь воспитание детей таким лёгким процессом, каждый оказался бы хорошим родителем.

«Рука холодная» промелькнуло в голове, как только все уложилось. Только сейчас, сумев вздохнуть более свободно, ведь знал, меня наказание не посетит, я принялся думать о других. Не самый выдающийся поступок, согласитесь? Но я его совершил, и, если за него спросят, буду нести ответственность. Это и значит — быть взрослым.

Осталось только узнать, озознала ли горничная, что именно из-за меня он упал в реку или нет?

— Ты... Лили спасла мальчика? — вопрос не столь важный, все же я решился на эту авантюру зная и о безопасности...

— Нет, он умер.

Ха?

— Что?

— Из-за неожиданности у мальчика под водой сработал дыхательный рефлекс. Как ни прискорбно, он вдохнул слишком много воды, а мне из-за травмы не удалось вовремя его достать, — как? Н-нет, нет, нет-нет! — впрочем, умер он не из-за этого. Речное течение оказалось слишком сильным, из-за чего он ударился головой о гладкий камень, видимо уже тогда он и отправился на небеса.

— Н-не может быть! А-абсурд! — высвободив кисть из ладони ноги сами отошли от Лили. Как от заразной (смертельным вирусом), не только отошёл, но и прикрыл ладонями рот.

Дрожали губы, срывая маски заикающимися словами. Все и полностью, оказалось обнажено. Не только мой характер, казалось, я раздел себя до гола, указывая на полную правоту.

— Он не мог умереть!

— Вы так в это уверены? Желаете посмотреть?

— Я...

Что за слизкий, противный, невыносимый ком в горло засунули? Чёрт, кто размыл картинку? Дрожали губы, дрожали руки, а за ними и пальцы. В пляс собирался пуститься и я, от безнадёги.

Вина легла, нет проткнула острым ножом сердце. Лезвие, смазано оказалось ядом, смертельность от которого соперничала с бутулизмом. Поразив всю нервную систему и

заставив её замолчать, я услышал слабое и жалкое хныканье.

От себя самого такой трагедии не ожидал. Организм подвёл, ввёл в ступор. Уши заложило на добрых пять секунд, а давление словно подсакивало к критической точке и падало в безнадежную яму в такт ритма сердца. Я не успел опомниться, как в горле пересохло, а слизкий ком сменился твердой костью.

— Покажи.

Тихо просипело горло младенца. Звук выдался далеко не высоким, каким он должен быть у младших, совсем уж кривым и низким получилось слово.

— Хорошо.

А дальше, опять приняли тянуть за руку. Дорога к месту преступления помнилась мне плохо, совершенно плохо, её как не было, а я совершил прыжок через варп-ворота, иль прошел сквозь червоточину. Мир для презренного, слизкого и противного Нила застыл, превратился в бесцветное месиво песка с пустыней. Какие деревья, какие цветы и трава и кусты? Имело ли это значение, когда здесь и сейчас, я убил человека? И ради чего? Все ради собственных амбиций? Прихоти и жажды? До чего глупый, до чего я глупый. Уподобился тому, кого хаял все года. Если Рудэус извращённый гад, то я — гад натуральный, опасный и криминальный.

Если он натягивает трусы на голову, то я только что ступил на голову и проломил ей череп, даже не увидев, побежал за магией.

Какая к черту магия, когда я на её пути убью человека?

— Мы пришли.

Земля под ногами окрас не меняла. Все такая же серая, безжизненная пустыня. А впереди меня ждал оазис. Где течет река, а внизу оврага сидело трое детей, один из которых был мокрым, облитый водой, подобно даме по правую руку от меня. Живой, ещё и улыбается от всей души, так радостно, что кажется, он только сегодня родился на свет.

В душе не нашлось отклика на его улыбку. Слишком быстро летели события, от моей служанки, что соврала, заставив отчаяться, до парнишки, который так лихо давит улыбу, скалясь во все свои ещё не выпавшие зубы.

Становилось понятнее, только не легче. Представьте котёл, а лучше уж печь. В ту горячую-горячую печь, пролили, нет, её залили водой остудив до не мысленных температур, а после, уже мокрую печь пытаются опять разжечь. Ну как, получается? Попробуй подожги мокрую древесину мокрыми спичками. Единственную реакцию, которую вы получите в бессчётных попытка поджечь, будет негодование, злость.

— Ты говорила он мертв.

— Говорила. Он мог быть мёртв не успею я вовремя ему помочь. Недавно я озвучила вам небольшой перечень возможных смертей при таком исходе, — какая замогильная стойкость и непробиваемость характера стояло за этой женщиной. И вправду, Пол, откуда только её нарыл? Это не человек, а машина. Словно моя полуавтомат.

— И зачем же это было делать?

Глаза прочертили по фигуре служанки все выше и выше, чуть прижмурились, они хотели отдохнуть, но в конце пристально и сердито уставились на лицо Лили. Лицо в профиль на синем небе, освещённое весенним солнцем не оставляло и намека на тень в её глазах или лике. Чуть вздернут нос, глаза смотрели точно вверх, подобили моим, все так же жмурились. Очки не спасали от шаловливых солнечных зайчиков и лисичек и волчиков.

Эти глубокие глаза размышляли над моим ответом, смотрели вдаль, на синее небо, словно спрашивали у него ответа. Но небо было непреклонным. Оно могло выслушать, успокоить своим видом и утешить тех, кто потерялся, правда в том, что оно совсем не давало ответов. Ответы на такое, мы должны брать не из вне, а из себя.

— Давным-давно, у моего знакомого был талант, — начало оказалось странно отрешенным от вопроса, но как меньший, я решил продолжить слушать, не перебивая. — этот знакомый имел талант, подобно которому был лишь один из ста тысяч. Его талант был таким великим что я сама начала завидовать ему в тайне. Эта зависть не была явной, мы дружили, общались и продолжали совершенствоваться вместе. Правда крылась в том, сколь нелепой была наша дружба. Изнутри тлела мысль о зависти. В один день, он сбежал, не выдержав тренировок, оставив после себя лишь разочарование и боль. До той степени она прожигала меня, что я считала, убить его было бы меньшим из наказаний. Но прошло время, и я более не вспоминала о нем так плохо, наоборот, его поступок казался уже не столько плохим, мне стало ясно, мой талантливый знакомый не заслуживал вспышку гнева, которую я могла на него обрушить.

И? К чему это? Женщина ты мне мозги пудришь? Ох, господь, дай силы понять эту грешную женщину.

— Нилрем Грейрат, посмотри туда, — неожиданно резким для меня тоном, оповестила Лили. Быстро вытянула руку и оттопырила палец, указывая на реку, нет, скорее на тех ребят, которые о чем-то болтали и смеялись. — я верю, что вы усвоили слова, сказанные мной раньше. Возможно не все до конца, но часть моей скромной мудрости должна была засесть в вас. Теперь вы понимаете, почему они смеются.

Подул ветер. Теплый, не сильный и порывистый, как любит бушевать старый пройдоха на воле, а нежный и окутывающий. Вдалеке звучал лай собаки, а чуть его перекрывая на уши падал звук птиц. Нос щекотали всевозможные запахи, которые, казалось бы, явились только сейчас, ведь раньше они прятались, страшились и боялись меня. Но не сейчас. Кого же успокаивала своими речами Лили? Меня? Себя? Их? Кого их? Какая забава у местных, оказывается. Делиться философскими мыслями, со считай новорожденными. Видимо не смущает моего, Цербера на день, сколько мне лет и когда я родился. Да, она была права. Верна и права от кончика языка и до пяток. Эти люди, этот мир, все здесь такое странное и чужое. Невнятное, глупое, предсказуемое и бесящее.

А, впрочем, здешние люди, по нраву мне больше. Простые как палец, обычные, не сокрытые за правилами... живут. Даже малец, что секунду назад утопал, оказавшись на суше, захохотал, как это делают старики над пропастью времени. Нет в его голове и мысли о истерике, о злости и гневе, как было бы, живи он в моем времени. Почему эти люди так рады и бодры?

— Люди счастливы, потому что живут.